

Скажемъ больше. Не подлежитъ сомнѣнью, что съ развитіемъ этого общества, все-таки, замѣтно и чувствительно уменьшилась карточная игра въ Самарѣ. А это большая заслуга.

Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, исподволь и потихонько любители довели свое дѣло до того, что ставятъ на своей собственной, очень милой и довольно изящной сценѣ, такія вещи, какъ сцены изъ «Жизни за Царя», «Рогъ и дѣды», «Русалки», «Аскольдовой могилы». Это, дѣйствительно, рѣдкій, небывалый и отраднѣйшій успѣхъ.

Съ незапамятныхъ временъ присмотрѣвшись къ развалинамъ самарскаго театра и къ молью изъѣденнымъ кулисамъ, самарская публика была пріятно поражена, когда вдругъ совершенно неожиданно узрѣла въ частномъ домѣ новую сцену, свѣженькія и чистенькія декорации, изящно и старательно составленную обстановку; группы красиво, богато и мило одѣтыхъ лицъ; увидѣла хорошую игру, услышала пріятное пѣніе, полное неподдѣльнаго чувства.

Программа артистической дѣятельности «самарскаго общества любителей» довольно обширна и разностороння. Одни трудятся на музыкальномъ поприщѣ, другіе на литературномъ, а третьи на драматическомъ. Одни такъ просто постоянные работники и труженники до усталости. На драматическомъ поприщѣ постоянными исполнителями трудныхъ и лучшихъ ролей являются гг. Повернъ и Араповъ; на литературномъ они же по преимуществу являются главными исполнителями и выдающимися талантами; лирическое пѣніе отчасти принадлежитъ известной пѣвицѣ, обладающей очень мелодичнымъ голосомъ, обработаннымъ наукою; г-жѣ Доливо-Добровольской, пѣвшей раньше много разъ въ Саратовѣ. Но самыми видными представителями пѣнія и исполнителями драматическаго или опернаго искусства являются господа Воршна и любимца самарской публики, господа Фатѣва. Пластическая красота, южно-русскій типъ, чисто славянская осанка, пріятный и сильный голосъ просто чаруютъ нашу публику.

Каждый разъ зала любителей бываетъ переполнена массой публики до того, что дышать нечѣмъ; отсюда видно, съ какою охотой и жаждой публика стремится сюда отдохнуть отъ житейскихъ дразнъ и отвести душу отъ удручившихъ домашнихъ тревоженій.

Въ послѣднее время въ числѣ послѣднихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ дѣвица Миросходжи, которая и поетъ хорошо, и играетъ недурно, и очень тишича и вообще интересуетъ публику. Кромѣ этихъ корифеевъ, у общества имѣется два хора—мужской и женскій, дополняющіе весь ансамбль, всѣ условія сценическаго искусства.

Въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ главнымъ директоромъ музыкальнаго и опернаго отдѣла или вообще предсѣдателемъ общества, его творцомъ и создателемъ, состоялъ фонъ-Бринкманъ, человекъ положительнаго незабвеннаго на своемъ посту, потому что онъ единственный компетентный представитель въ музыкѣ, въ живописи, вообще въ искусствѣ.

Ему, и именно ему, обществу и самарская публика обязаны своимъ устройствомъ, процвѣтаніемъ, успѣхами, развитіемъ. Онъ горячо, страстно, энергично служилъ этому дѣлу, этому призванію, и все буквально, все создано его стараніемъ, такъ какъ одно время онъ всецѣло отдался этому общественному дѣлу.

Что бы ни говорили злые языки, а Самара за наслажденія, которыя она испытываетъ, должна быть благодарна только и первѣе всего фонъ-Бринкману исполняющему свой долгъ съ любовью и умѣло. Жаль, если не онъ будетъ шефомъ: онъ незаменимъ.

Въ Самарѣ нечѣмъ замѣнить фонъ-Бринкмана въ компетентности въ дѣлѣ искусства. Это доказалъ вечеръ съ «Аскольдовой могилы», не имѣя поставленной.

Успѣхи «Самарскаго общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ» во очю свидѣлствуютъ, что въ пѣдрахъ нашего робкаго, несмѣлаго, провинціального общества таятся могущія силы и весьма симпатичныя таланты. Дайте только полную свободу развитія этому спящему богатырю, и онъ всѣхъ удивитъ еще и не такими успѣхами и диковинами. Дайте ему возможность проявить всѣ таящіяся въ немъ хорошія особенности, и вы его не узнаете... Дайте ему быть самимъ собой, и онъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности явится несомнѣннымъ двигателемъ прогресса и всего хорошаго.

Читая постоянно газеты, каждый самарецъ чуть не ежедневно узнаетъ, что тамъ-то совершилось крупное хищеніе, а здѣсь крупный

скандалъ, а тутъ грандіозное воровство, растрата, пожарище, en masse... Самару Богъ милославилъ до селъ: ни хищеній, ни растратъ, ни крупныхъ скандаловъ, дѣлающихъ эпоху, ни потрясающихъ событій. Все мирно и тихо, безъ особыхъ пертурбацій. Правда, общественная дѣятельность ограничена и сомкнута, но обществу любителей музыкальнаго и драматическаго искусствъ—приволье; оттого оно пресупствуетъ и процвѣтаетъ...

Но во всемъ этомъ не вся еще суть. Главное значеніе «общества» заключается въ его воспитательномъ значеніи. У публики мало-помалу развивается и современемъ разовьется вкусъ вообще, а затѣмъ вкусъ къ изящному, художественному; всякій зародышъ таланта здѣсь не потеряется, не заглохнетъ, но имѣетъ возможность воспринять и развиться; подрастающія музыкальныя силы имѣютъ свою родную среду, свою хорошо обставленную стію, имѣютъ свою, такъ сказать, ответственную почву, на которой онѣ могутъ расти, пытаться и развиваться. Это самая цѣнная сторона «общества». И въ то время какъ мѣстные клубы—лишь нѣсколько чище-содержимыя кабака, гдѣ картежная игра, пьянство, скандалы и драки—неотъемлемое свойство и присущая имъ особенность, «общество любителей» просто отвлекаетъ лучшую долю публики отъ тунеядства и праздности, а можетъ быть и отъ порочности, и даетъ просторъ развитію духовныхъ силъ. Пусть же это «общество» процвѣтаетъ и растетъ; пусть заправители и исполнители всегда будутъ полны силъ, энергіи и гражданскаго мужества. Этому «обществу» очень и очень много дѣла. Оно единственное, которое можетъ приучить согражданъ, чтобы они проводили время въ полезномъ и пріятномъ развлеченіи; оно одно можетъ въ своихъ согражданахъ будить чувство изящнаго и художественнаго; оно одно можетъ развивать въ согражданахъ вкусъ ко всему хорошему и прекрасному, не давая имъ засыпать, впадать въ апатію и равнодушіе. Этимъ путемъ «общество» приучитъ публику быть болѣе внимательной и къ разнымъ общественнымъ невзгодамъ, публика научится и приобьетъ предохранять себя отъ всякаго скверна.

Такая доля въ будущемъ завидна; такая заслуга «общества» передъ публикой весьма достойна и достижима.

Керчь. Намъ пишутъ, что на сценѣ мѣстнаго храма Мельпомены сыграна была, послѣ долгихъ проволочекъ, сопряженныхъ съ постановкою такой пьесы въ провинціальномъ театрѣ, «самая трогическая изъ трагедій», по выраженію Гевинуса, — «Король Лиръ». Слѣдующій курьезъ, связанный съ его постановкою, какъ нельзя лучше, характеризуетъ то положеніе, въ которое поставлено театральное дѣло въ провинціи. Среди труппы актеровъ, подвизающейся на мѣстной сценѣ выдается одинъ артистъ, г. Федоровъ; какъ актеръ серьезный и любящій свое дѣло, онъ вознамѣрился поставить въ свой бенефисъ «Короля Лира», но вмѣсто обещаннаго «Лира» пришлось поставить пьесу другую; не смотря на всѣ хлопоты, предполагающаяся къ постановкѣ трагедія была воспрещена мѣстнымъ начальствомъ, усмотрѣвшимъ въ ней нѣчто предосудительное и деморализующее. На какомъ основаніи, по какому праву—все это праздные вопросы, не требующіе отвѣта для всякаго, знакомаго хотя нѣсколько съ тѣмъ произволомъ, который господствуетъ при разрѣшеніи въ провинціи пьесъ къ постановкѣ: все тутъ зависитъ отъ каприза и самодурства того или другаго полицейскаго чиновника. Но у насъ, къ счастью, этимъ дѣломъ не кончилось. Къ счастью, въ это время случилось замѣненіе поста полицеймейстера новымъ лицомъ и, eo ipso, «театральная цензура» перешла въ другія руки. Артистъ тогда возобновилъ хлопоты, основываясь на нѣмецкой поговоркѣ: «Andere Vögel, — andere Lieder». И, дѣйствительно, старанья эти увѣялись успѣхомъ, и, такимъ образомъ, лишь случайное назначеніе новаго полицеймейстера доставило возможность керчанамъ узрѣть на своей сценѣ бессмертную трагедию—фактъ, не нуждающійся ни въ какихъ комментаріяхъ.

Переходя затѣмъ къ исполненію «Лира», я долженъ замѣтить, что керчане, полагавшіеся уже слишкомъ много на г. Федорова, неминуемо должны были разочароваться въ немъ. Хотя г. Ф. и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, хотя онъ и провѣлъ свою роль обдуманно, безъ малѣйшей утрировки—на которой любятъ выказывать наши доморощенные трагики, отличающіеся сильными голосовыми средствами и совершеннымъ отсутствіемъ таланта,—однако, его умѣнья далеко не хватило, чтобы изобразить тотъ по истинѣ грандіозный типъ «короля съ головы

до ногъ, съ печатью власти на челѣ», созданіе котораго является самымъ лучшимъ и цѣннымъ листкомъ въ лавровомъ вѣнкѣ Шекспира. Сцена II, III и IV, 3-го дѣйствія, въ которомъ изображаются скитанья несчастнаго старика и постепенное помраченіе его разсудка, совсѣмъ пропали у исполнителя. То-же самое должно сказать и объ исполненіи одного изъ превосходнѣйшихъ мѣстъ трагедіи, въ которомъ выказалась вся глубина драматическаго таланта Шекспира,—именно, сцены сумасшествія Лира (дѣйств. 4-е, сцена VI). Здѣсь мы у артиста не видѣли ни величественнаго старца съ помрачившимся лишь отъ горя разсудкомъ, въ безумной рѣчи котораго, между тѣмъ, кроется глубокая жизненная правда и обрисована вся натура его. За то сцена I-я I-го-же дѣйствія, изображающая отверженіе королемъ Корделии и изгнаніе Кента, а въ особенности IV сцена того-же акта, когда обезумѣвшій старикъ начинаетъ только пожинать то, что посѣялъ своимъ необдуманнѣйшимъ поступкомъ, и когда онъ, въ припадкѣ раскаянія и отчаянія, восклицаетъ: «О, Лиръ, Лиръ, Лиръ! Стучись теперь въ ту дверь, откуда выпустилъ ты разумъ!»—эти сцены прошли у г. Федорова далеко недурно и, можно сказать, исполнили всѣ промахи, сдѣланные имъ въ другихъ мѣстахъ.

Piccola bestia.

Нижній-Новгородъ. При грустныхъ для нашей сценѣ обстоятельствахъ приходится мнѣ писать вамъ: наша драматическая труппа лишилась своей талантливой представительницы, въ лицѣ драматической актрисы Анны Васильевны Максимовой, скончавшейся 15-го февраля послѣ кратковременной, но тяжелой болѣзни. А. В. Максимова была еще молодая актриса, серьезно посвятившая себя сценѣ всего семь лѣтъ тому назадъ и потому мало известная въ провинціи. Она служила на сценахъ Екатеринодара, Харькова, Курска и Орла. Все это время А. В. Максимова неутомимо работала надъ своимъ дарованіемъ, а въ 1881 году выступила впервые на Нижегородскомъ театрѣ, гдѣ сразу обратила на себя общее вниманіе. Съ какою добросовѣстностью и трудолюбіемъ относилась Максимова къ первой роли, которую ей приходилось исполнять,—хорошо извѣстно нижегородской публикѣ. Никогда не нуждаясь въ суфлерѣ, она строго обдумывала каждый свой выходъ, каждое положеніе изображаемаго ею лица. Постоянные посѣтители театра могли видѣть, какого большаго успѣха достигла она въ теченіе двухъ сезоновъ, проведенныхъ ею на нижегородской сценѣ. Такое серьезное отношеніе къ искусству и къ труду, которымъ артистка заботилась себя кусокъ хлѣба, доставило ей общее уваженіе. Будущность сулила ей выдающуюся артистическую карьеру, но... судьба рѣшила иначе: внезапно заболѣвъ за нѣсколько дней до своего бенефиса, она не перенесла и не могла перенести такой болѣзни, осложнившейся нѣсколькими крайне серьезными недугами (острая атрофія печенія, страданіе почекъ и проч.) и скончалась въ тотъ самый день, когда назначенъ былъ ея бенефисъ, въ который должна была пойти пьеса мѣстнаго автора, г. Чуйко-Аверина: «Жизнь или смерть?» По странному случаю, судьба жестоко подшутила надъ артисткой, лишивъ ее въ день бенефиса родни и пославъ ей смерть...

Среди тяжелаго труда первой драматической актрисы, постоянно занятой то изученіемъ ролей, то репетиціями и спектаклями, Анна Васильевна находила время работать и надъ самообразованиемъ, дѣлательно слѣдя за литературой и всѣмъ, что относилось къ театру и искусству. Приобрѣтя себѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ какихъ-нибудь два года общее уваженіе, она пользовалась самымъ дружескимъ расположеніемъ всей труппы не только какъ талантливая и работающая артистка, но и какъ прекрасная товарищица и человекъ. Далекая отъ всякихъ закулисныхъ интригъ, какъ своею искренностью, правдивостью, задушевностью и симпатіей всегда пробуждала самыя лучшія чувства во всѣхъ собратахъ своихъ, не только внушая къ себѣ любовь и привязанность. Смерть артистки была тяжелымъ несчастіемъ для всей труппы: не только женщины, но даже многіе мужчины плакали на ея похоронахъ. Гробъ Анны Васильевны, убранный цвѣтами и вѣнками, сопровождала до самого кладбища огромная толпа почитателей ея таланта. Всюду слышалось неподдѣльное сожалѣніе о ранней и внезапной утратѣ выдающагося дарованія нашей сцены...
N. W.

Редакторы-издатели {
Ф. Грдининъ.
В. Чуйко.